

Это близко

Это близко, близко, разве это даль?
Это будет быстро – выстрел и обратно -
праздновать победу, получать медаль,
заменять по дому и отца, и брата.

Отпустила б, мама, сына на войну –
ну, как этой бойни на него не хватит?
Он в бою не сгинет, не сгниет в плену,
по весне вернется ладить крышу в хате.

Что с того, что молод? Добрый военком
пару лет по дружбе с их отцом прибавит.
Как прикроет землю жиденьким снежком –
так и выйдет время подвигам и славе.

Это будет долго - ждать другой войны,
ни шинели новой, ни крупы перловой,

только в комарином звоне тишины
привкуса металла чувствуется вдоволь.

Вдоль забора чахнет дикий виноград,
стало поле синим от цветов люпина.
Сгинул где-то в поле и отец, и брат,
не пускай за ними, мать, меньшого сына.

Копи сегодняшнюю грусть,
и ноты музыки весенней
учи прилежно наизусть
для предстоящих вдохновений.

Для дней безветренно-сухих,
когда умеренное счастье
не принесёт в бессильный стих
ни звука чистого, ни страсти.

Баюкай бережно печаль,
гляди поверх голов и выше
и в небе синем примечай
какой-то птицы след простывший,

оранжевый воздушный шар,
созревший на вишнёвой ветке,
заката позднего пожар
в такой же огненной расцветке,

и облака над головой
вполне литературный профиль.
Все пахнет прелюю листвой,
намокшим деревом и кофе,

и снегом, выместившим зло
на первое цветенье мая.

И ты скучаешь за столом,
все это впрок запоминая.

Балаганная жизнь

Что дают сегодня в балагане,
что так бурно веселит народ?
Мой Петрушка в разноцветной рвани
вслед за мною открывает рот,
и поёт, и пляшет, и рыдает
над своей всамделишной судьбой,
и уже без разницы – куда я
этой ночью попаду с тобой.
Пропаду народу на потеху –
для того и жизнь была дана,
чтобы так – прилюдно, ради смеха –
разбазарить всю её, до дна.
Не взывайте, не судите строго
за топорность рыночных остроум –
на роду, видать, у скомороха
равнодушный веселит народ.
Что дают сегодня в балагане?
Ничего не ново под луной:
веселится кто-то полупьяный
над своей всамделишной судьбой.

Мои обиды

Мои обиды - ловкие швеи,
Таких узоров мне навывшивают,
Что я, от их красот едва живая,
Глотаю иглы колких слов твоих
И ничего не говорю в ответ:
Пришит язык обидой горькой к нёбу,
Ответь-ка тут хоть что-нибудь, попробуй,
Когда слезами застит белый свет.

А им - раздолье: тянут из меня
Обрывки мыслей, разноцветных ниток,
Уже забытых, кажется, обидок,
Воспоминаний прожитого дня,
Вдевают их в игольное ушко
Воткнувшегося прямо в сердце слова,
И вот уже узор придуман новый -
Стежок ложится ровно за стежком.

Тихое слово

И выдохнула слово тихое,
ни гнева, ни обиды в нем,
ни соразмерности с шумихою
дверей, захлопнувшихся в дом.

Но окна плотно занавешены,
никто теперь не разберёт
ни силуэт любимой женщины,
ни рук её напевный взлёт.

Дожди взялись за настоящее,
едва о прошлом загрузив,
и это слово шелестящее
поют на простенький мотив,

вбивают капли в подоконники,
полощут чистое бельё,
и головой качают слоники
на полке в комнате её.

Он списывает эти шорохи
на складки мокрого плаща,
не различая в общем ворохе
произнесённого "прощай"

Никаких намёков

Никаких намеков на печаль,
сердце в ком предчувствием не сжато.
Ни дождя, ни ветра, ни утраты
этот день с утра не обещал.

Пропуская солнце сквозь листву,
тополя вязали тень ажуром.
Не было ни пасмурным, ни хмурым
небо, набирая высоту.

Птицы не кончали свой галдеж,
ни одна не залетала в окна.
Этим утром было невдомек нам,
что сегодня ты от нас уйдешь.

И никого другого кроме

По набережной опустевшей
пустой стакан летит вприпрыжку.
Там конного обгонит пеший,
не прибавляя шага слишком.

Там ветер рыщет, сатанея
от бесполезности запрета,
и только море солонее
слезы пролитой и пропетой.

И только тот, кто выжил в шторме,
кто вынырнул из перебранок,
и никого другого кроме
на набережной спозаранок.